

Пролог

Жил во времена халифа Гаруна-аль-Рашида, повелителя правоверных, в городе Багдаде человек, которого звали Синдбад-носильщик. Был он беден, зарабатывал на хлеб тем, что переносил тяжести с базара к домам жителей великого города. Как-то раз нес он тяжелую ношу (а в этот день стояла сильная жара), и поклажа показалась ему вдруг несказанно огромной. Зной валил с ног, и Синдбад-носильщик почувствовал, что силы покидают его. «Даже самому могучему нужен минутный отдых», — решил Синдбад и присел на широкую скамью, стоящую у ворот богатого дома. Носильщик положил ношу рядом, чтобы отдохнуть в тени деревьев, склоняющих ветви из-за забора, и подышать воздухом, напоенным нежными ароматами сада. Повеял свежий ветерок и остудил распаленное лицо Синдбада. Мысли пришли в порядок, силы стали возвращаться, и в это мгновение услышал носильщик звуки струн лютни, которые

долетали из глубины двора. Благословенные ароматы сада смешивались с пением птиц, которые перекликались и прославляли Аллаха великого на всевозможных языках. Различил Синдбад-носильщик голоса горлинки, персидского соловья, дроздов и певчих куропаток. Любопытство овладело бедняком, и, подойдя к воротам, он заглянул внутрь. Забор скрывал от прохожих тенистый сад, а в глубине сада — дом с распахнутыми дверями, откуда слышались голоса, звучала музыка, а временами в шуме говора ухо могло уловить стихотворную строку, такую возвышенную и прекрасную, что замирало сердце.

Увидел Синдбад и слуг, рабов, прислужников, и челядь. В суете их не было беспорядка, они вносили в распахнутые двери чудесные кушанья, ароматы которых доносились до носа носильщика. Неторопливые виночерпии несли кумганы такой неслыханной красоты, что найти их можно, наверное, лишь у царей и султанов. Драгоценные чаши были полны вин и прекрасных напитков, а огромные блюда наполняли фрукты и яства всех стран.

Удивился носильщик подобной роскоши, поднял глаза к небу и возблагодарил Аллаха всемогущего и милосердного за то, что дарит он избранным своим счастье, достаток и спокойствие. Носильщик не роптал, ибо верил, что придет день, и ему выпадет счастливая доля. А потому произнес нараспев:

Усилилось ныне мое утомленье,
Дела мои дивны, тяжка моя ноша.
Другой же — счастливец, не знает несчастья,
И в жизни не нес он и дня моей ноши.
Все люди возникли из капли одной,
Другому я равен, и тог мне подобен,
Но все же меж нами различие есть, —
Мы столь же различны, как вина и уксус.
Но я говорю, не ропща на тебя:
«Ты мудрый судья и судил справедливо».¹

Голос Синдбада окреп и возвысился, и не заметил он, как в доме наступила тишина. Казалось, что птицы умолкли, внимая прекрасным словам, льющимся из самой души. Утих ветерок, на деревьях не шевелилась листва, даже время замедлило свой бег. Высоко в небе показалась огромная тень — неведомая птица своими крылами затмила на миг солнечный свет...

Произнеся стихи, Синдбад-носильщик собирался уже поднять свою ношу и двигаться дальше, но вдруг из ворот к нему вышел слуга — юноша, еще почти мальчик, в роскошных одеждах, высокий и прекраснотлицый. Он схватил носильщика за руку и сказал ему: «Мой господин, да продлит Аллах его дни без счета, приглашает тебя в дом».

Носильщик хотел отказаться от приглашения, но не смог этого сделать — так велико было его любопытство, настолько хотелось ему узнать, за что же так щедро был вознагражден хозяин этого необыкновенного дома... Синдбад оставил поклажу у привратника при входе и вошел со слугой. Теперь он разглядел, что дом прекрасен, лежит на нем печать достоинства и уюта, а хозяин, видно по всему, всегда рад гостям. Носильщик сделал еще несколько шагов в глубь дома.

Перед ним открылся роскошный зал для приемов, полный благородных и нарядно одетых господ. Гости располагались на подушках, что лежали по пушистым коврам, вытканым самыми искусными мастерицами. На низких столиках стояли кумганы с винами отборных виноградных лоз, блюда ломились от изысканных кушаний и сладостей, а высокие вазы у стен благоухали цветами. Изумительный порядок, роскошь и уют зала изумляли и слепили любого, а тем более такого неискушенного зрителя, как Синдбад. Заметил он и драгоценные музыкальные инструменты в руках прекрасных рабынь, которые сидели вдоль стен. Несколько минут стоял Синдбад молча, разглядывая роскошные покои, куда привел его слуга.

Посреди зала сидел человек, достойный и по виду знатный. Его бороды чуть коснулись седина, но благородное и мудрое лицо его оставалось прекрасным. Оторопел Синдбад-носильщик — так величествен был хозяин этого необыкновенного дома. (По гостеприимному выражению лица и неспешным движениям, полным уважения, понял Синдбад, что это и есть владелец райских хором.)

Синдбад-носильщик воскликнул про себя: «Клянусь светом, это место наверняка перенеслось сюда желанием Аллаха прямо из райских садов! А может быть, это тайный дворец султана? Или царя какой-нибудь да-

